

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ИНДЕКСОВ FSI, SSI И WGI

¹Н.А. Ибадильдин, ²Т.Т. Исмагамбетов, ¹А.М. Адибаева,
¹А.К. Карабаева

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сравнительному анализу трёх международных индексов – Fragile States Index (FSI), Sustainable Society Index (SSI) и World Governance Indicators (WGI) – в контексте оценки политической стабильности Казахстана. В условиях нарастающей глобальной нестабильности вопрос об адекватности инструментов её измерения приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Цель исследования – выявить методологические основания, достоинства и ограничения каждого из индексов и оценить, насколько они способны отражать реальную политическую динамику ресурсозависимого режима. Методологически работа опирается на сравнительный анализ и кейс-стади. Результаты показывают, что каждый из рассматриваемых индексов фиксирует лишь отдельные аспекты стабильности: FSI – признаки государственной хрупкости, SSI – устойчивость в экологическом и социальном измерениях, WGI – качество государственного управления. Ни один из них не улавливает ключевых механизмов стабильности, характерных для Казахстана, – рентного перераспределения, элитных пактов и внешнеполитического балансирования. Особое внимание уделяется реакции индексов на события Канды Қаңтар в январе 2022 года как стресс-тесту их прогностической силы. Сделаны выводы о необходимости комплексного применения индексов в сочетании с качественными методами анализа.

Ключевые слова: политическая стабильность, Fragile States Index, Sustainable Society Index, World Governance Indicators.

¹ Университет КИМЭП,
Алматы, Казахстан

² Институт философии,
политологии и религиоведения
КН МНВО РК, Алматы, Казахстан

Автор-корреспондент:

Т.Т.Исмагамбетов, is_v2001@mail.ru

Цитирование:

Ибадильдин Н.А., Исмагамбетов Т.Т.,
Адибаева А.М., Карабаева А.К.
Политическая стабильность в
зеркале индексов FSI, SSI И WGI //
Адам әлемі. – 2026. – Т. 28.
– №2(108). – С. 97-110.
– DOI: 10.48010/7r1f8e14

Открытый доступ

© Автор(ы), 2026
Настоящая статья открытого
доступа распространяется на
условиях лицензии Creative
Commons Attribution 4.0
International License (CC BY 4.0).
[https://creativecommons.org/
licenses/by-nc-nd/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

Поступила: 04/03/2026

Принята: 30/05/2026

Опубликована онлайн: 30/06/2026

FSI, SSI және WGI индекстері аясындағы саяси тұрақтылық

Аңдатпа. Мақала Fragile States Index (FSI), Sustainable Society Index (SSI) және World Governance Indicators (WGI) – үш халықаралық индекстің Қазақстандағы саяси тұрақтылықта бағалау мақсатында салыстырмалы талдауына арналған. Жаһандық тұрақсыздықтың өсу жағдайында оны өлшеу құралдарының жеткіліктілігі мәселесі тек теориялық емес, практикалық маңызға да ие болады. Зерттеудің мақсаты – әрбір индекстің әдіснамалық негіздерін, артықшылықтары мен шектеулерін анықтау және олардың ресурсқа тәуелді режимнің нақты саяси динамикасын қаншалықты дәл көрсете алатынын бағалау. Әдіснамалық тұрғыдан жұмыс салыстырмалы талдауға және кейс-стадиге негізделеді. Зерттеу нәтижелері қарастырылған индекстердің әрқайсысы тұрақтылықтың тек жекелеген аспектілерін тіркейтінін көрсетеді: FSI – мемлекеттік осалдық белгілерін, SSI – экологиялық және әлеуметтік өлшемдердегі тұрақтылықты, WGI – мемлекеттік басқару сапасын. Ресурсқа тәуелді авторитарлық режимге тән тұрақтылық механизмдерін – рента қайта бөлуді, элиталық пактілерді және сыртқы саяси теңдестіруді – индекстердің ешқайсысы толық қамти алмайды. 2022 жылғы қаңтардағы Қанды Қаңтар оқиғаларының индекстерде қалай көрініс тапқанына олардың болжамдық күшін тексеру ретінде ерекше назар аударылады. Индекстерді сапалық талдау әдістерімен бірге кешенді қолданудың қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: саяси тұрақтылық, Fragile States және Sustainable Society Indexes, World Governance Indicators.

Political Stability in the Mirror of the FSI, SSI and WGI Indexes

Abstract. This article presents a comparative analysis of three international indexes – the Fragile States Index (FSI), the Sustainable Society Index (SSI), and the World Governance Indicators (WGI) – as instruments for

assessing political stability in Kazakhstan. In the context of growing global instability, the question of the adequacy of measurement tools acquires not only theoretical but also practical significance. The aim of the study is to identify the methodological strengths, and limitations of each index, and to evaluate their capacity to reflect the actual political dynamics. Methodologically, the article employs comparative analysis and case study. The findings indicate that each index captures only specific dimensions of stability: FSI identifies signs of state fragility, SSI measures environmental and social sustainability, and WGI assesses governance quality. None of them adequately captures the key stability mechanisms characteristic of Kazakhstan – rent redistribution, elite pacts, and external geopolitical balancing. Special attention is paid to the indexes' response to the January 2022 Qandy Qantar events as a stress-test of their predictive capacity. The article concludes that indexes must be applied in combination with qualitative methods of analysis.

Key words: Political Stability, Fragile States Index, Sustainable Society Index, World Governance Indicators.

Введение

Политическая стабильность – одна из центральных категорий политической науки и практики государственного управления. Она определяет инвестиционный климат, социальную сплоченность и международный авторитет государства. Запрос на надёжные инструменты её измерения особенно остро ощущается на фоне глобальной турбулентности последних лет – от «арабской весны» до волны нестабильности в постсоветском пространстве. Международные индексы претендуют на роль таких инструментов, предлагая сопоставимые, воспроизводимые и регулярно обновляемые данные. Обобщающее определение политической стабильности выражает устойчивость функционирования политических институтов, включая практику соблюдения прав человека и гражданина.

Казахстан представляет продуктивный кейс для изучения этих инструментов. Страна является крупнейшей экономикой Центральной Азии, ресурсозависимым государством с авторитарными практиками управления и активным участником международных рейтингов. События Қанды Қаңтар в январе 2022 года обнажили предел прогностической силы стандартных индексов: ни один из них не зафиксировал накапливающегося кризиса заблаговременно. Это ставит под вопрос методологическую состоятельность индексов,

Цель настоящей статьи – провести критический сравнительный анализ трёх ключевых индексов (FSI, SSI, WGI) и оценить их применимость к казахстанскому контексту. Исследовательские вопросы: каковы методологические основания и ограничения каждого индекса; как Казахстан выглядит в динамике этих индексов; в какой мере индексы отражают специфику ресурсозависимых государств?

Методология

Работа основана на методе сравнительного анализа, примененного на двух уровнях. На первом – межиндексном – сопоставляются методологические основания, охват, способы агрегирования и концептуальные допущения трех индексов. На втором – страновом – анализируется динамика показателей Казахстана по каждому индексу в период с 1996 по 2024 год. Особое внимание уделяется трём аналитически значимым периодам: нефтяной бум 2000-х годов, события Қанды Қаңтар 2022 года и пост-реформаторский период «Нового Казахстана» (2022–2024).

Эмпирическую базу составляют открытые данные Fund for Peace, Sustainable Society Foundation и Всемирного банка и труды по теории политической стабильности и ресурсной зависимости. В работе использована классификация индексов на объективные и перцептивные, принятая в сравнительной политологии: первые фиксируют конкретные события, вторые агрегируют экспертные оценки [1, р. 1212-1220]. Методологические ограничения источников учитываются при интерпретации результатов.

Три индекса: методологические основания и структура

Рассматриваемые индексы различаются по происхождению, методологии и концептуальным основаниям, что делает их взаимодополняющими инструментами. Таблица 1 представляет их сравнительную характеристику.

Таблица 1- Сравнительная характеристика FSI, SSI и WGI

Индекс / Index	Разработчик	Методология	Достоинства	Ограничения
Fragile States Index (FSI) – Индекс хрупкости государств	Fund for Peace (США), с 2005 г.	12 индикаторов в 3 группах (социальные, экономические, политические); инструмент CAST; ежегодно	Широкий охват (179 стран); мониторинг динамики; провокация дискуссий	Субъективность; фокус на симптомах; отсутствие универсального определения «слабого» государства
Sustainable Society Index (SSI) – Индекс устойчивости общества	Sustainable Society Foundation (Нидерланды), с 2006 г.	21 индикатор в 7 категориях; 3 измерения (Human, Environmental, Economic Wellbeing); шкала 1–10; раз в 2 года	Единственный индекс, охватывающий все три измерения устойчивости; прозрачность; основан на данных ООН и Всемирного банка	Редкая обновляемость (раз в 2 года); компенсаторная агрегация маскирует дефициты; слабо отражает политические риски
World Governance Indicators (WGI) – Всемирные индикаторы государственного управления	Всемирный банк, с 1996 г.	6 измерений; 35 источников данных; 214 стран; ежегодно	Исторические данные с 1996 г.; комплексность; широкое применение в академической литературе	Сложно агрегировать и сопоставить во времени; ограничено к неформальным институтам

Обзор литературы: критический анализ индексов FSI, SSI и WGI
Fragile States Index

Fragile States Index разработан в 2005 году под руководством Полин Бейкер (Pauline H. Baker), президента Fund for Peace, американского аналитического центра, специализирующегося на предупреждении конфликтов [2]. Индекс позиционируется как инструмент раннего предупреждения: его авторы указывают на цель – «провоцировать дискуссии» в странах с высокими показателями хрупкости. Ключевая аналитическая категория – «несостоятельное» или «слабое» государство, определяемое через четыре признака: утрату физического контроля над территорией, неспособность обеспечить принятие коллективных решений, неспособность предоставить базовые общественные услуги и неспособность взаимодействовать с международным сообществом на равных основаниях.

В академической литературе FSI подвергается систематической критике по нескольким направлениям. Фундаментальное возражение касается самой категории «несостоятельного государства»: Тилли [3, р. 175] показал, что государство исторически строилось через монополию на насилие, а не через легитимное управление, что делает западноевропейскую модель государственности нормативным

эталоном, а не аналитически нейтральной рамкой. Бейтс [4, р. 98-115] развивает этот аргумент, указывая, что многие государства, классифицируемые FSI как «хрупкие», функционируют через неформальные механизмы управления, которые индекс не способен уловить. Чандлер [5, р. 95] квалифицирует саму концепцию «несостоятельного государства» как политически нагруженную: она легитимизирует внешнее вмешательство и воспроизводит пост-колониальную асимметрию, при которой западные организации оценивают незападные государства по собственным стандартам.

С методологической точки зрения ключевая проблема FSI – реактивность. Индекс фиксирует симптомы нестабильности после того, как они проявились, но не улавливает накапливаемых структурных рисков. Озкая [6, р. 19] в сравнительном анализе предсказательной силы различных индексов установил, что FSI систематически недооценивает риски в ресурсозависимых государствах именно потому, что высокие нефтяные доходы маскируют институциональную хрупкость, улучшая поверхностные показатели при сохранении глубинных уязвимостей. Применительно к Казахстану это означает, что улучшение показателей FSI в 2010-е годы отражало прежде всего эффект нефтяных доходов, а не реальное укрепление государственных институтов.

Sustainable Society Index

Sustainable Society Index создан в 2006 году Геуртом ван де Керком и Артуром Мануэлем [7, с. 239] из голландского Sustainable Society Foundation как ответ на *perceived narrow definitions of sustainability*. SSI объединяет все три измерения устойчивого развития – Human Wellbeing, Environmental Wellbeing и Economic Wellbeing – в единой рамке, опираясь на расширенное определение Комиссии Брундтланд. Существенное отличие от других индексов: SSI публикуется раз в два года, последнее издание охватывает данные до 2020 года включительно. Независимый анализ надежности и валидности SSI, проведенный для 154 стран за 2016 год, подтвердил приемлемую внутреннюю согласованность при определенных методологических оговорках: компенсаторная агрегация позволяет достоинствам в одних измерениях компенсировать дефициты в других, что критики считают искажающим фактором [8].

Исследования, посвященные качеству управления и «зеленому» росту [9, р. 221], аналогичным образом используют показатели устойчивости для оценки траекторий развития. Эти работы демонстрируют, что эффективность управления и институциональное качество влияют на экологическую и экономическую трансформацию. Однако политическая стабильность рассматривается как одна из объясняющих переменных, а не как самостоятельное явление, требующее отдельной концептуализации.

Исследования в области государственного управления добавляют критическую перспективу. Барис, Нокс и Пелиццо [10, р. 340], а также Хамитов, Нокс и Джунусбекова [11, р. 94] выявляют устойчивые проблемы управления, включая коррупцию и неформальные сети, которые стали особенно заметны во время январских событий 2022 года. Эти выводы указывают на то, что структурная устойчивость может сосуществовать с латентными институциональными уязвимостями.

Хотя SSI фиксирует базовые социально-экономические и экологические условия, связанные с долгосрочной сопротивляемостью, он не измеряет напрямую такие ключевые параметры политической стабильности в авторитарных системах, как элитные соглашения,

способность к принуждению или управление кризисами. Показатели устойчивого развития не тождественны устойчивости режима.

Критическая литература по SSI разворачивается преимущественно в трех направлениях. Первое – проблема компенсаторной агрегации, которую Гюдеман и Мюнх [12, р. 86-90] считают принципиальным изъяном: когда высокие экономические показатели компенсируют экологический дефицит или ограниченность политических прав, итоговый балл создает иллюзию устойчивости там, где её нет. Для Казахстана этот эффект особенно значим: высокие показатели Economic Wellbeing, обусловленные нефтяными доходами, систематически компенсируют низкие экологические баллы и слабые показатели в измерении политических прав человека. Второе направление критики касается периодичности публикаций. Раз в два года – недостаточная частота для инструмента, претендующего на мониторинг динамики. Боссель [13, р. 75-89], один из теоретических предшественников SSI, подчеркивал, что системы устойчивости требуют непрерывного мониторинга: редкие срезы не позволяют различить тренд и шум. Третье направление – исключение политического измерения. Как указывают Сакс и соавторы [14, р. 210-225] в контексте более широкой дискуссии об индексах устойчивого развития, показатели устойчивости, игнорирующие качество государственного управления, дают принципиально неполную картину, поскольку именно институциональное качество определяет способность государства реализовывать экологические и социальные цели в долгосрочной перспективе.

World Governance Indicators

World Governance Indicators Всемирного банка ведут свою историю с 1996 года. Обновлённая методология, закреплённая в работе Кауфманна и Краая [15, р. 2] агрегирует данные из 35 источников. Шесть измерений WGI – подотчетность, политическая стабильность и отсутствие насилия, эффективность правительства, качество регулирования, верховенство закона и контроль коррупции – представляют наиболее операционализированную версию концепции «качества государственного

управления». WGI подвергаются критике за сложность и непрозрачность агрегирования, отсутствие сопоставимости ряда показателей во времени и ограниченную применимость к неформальным институтам [16, р. 14].

Всемирные индикаторы государственного управления (WGI) более широко применяются в эмпирических исследованиях Казахстана. Абсадыков [17, р. 7] анализирует взаимосвязь между шестью измерениями WGI - включая «Политическую стабильность и отсутствие насилия» и экономическим ростом Казахстана, выявляя в целом положительную зависимость между качеством управления и показателями развития. Политическая стабильность рассматривается как часть более широкой системы государственного управления, а не как самостоятельный результат функционирования режима.

Хайнрих [18] использует данные WGI в сравнительном анализе ресурсозависимых режимов, включая Казахстан, акцентируя внимание на динамике показателей политической стабильности во времени. Результаты показывают, что Казахстан сохранял относительную стабильность по управленческим метрикам, несмотря на структурные уязвимости, связанные с ресурсной зависимостью.

Количественные исследования Андабаева и др. [9, р. 224], а также Якуб [19, р. 117] операционализируют институциональное качество через показатели WGI в эконометрических моделях, объясняющих человеческое развитие и инклюзивный рост. Эти работы подтверждают связь между качеством управления и социально-экономическими результатами, однако политическая стабильность трактуется преимущественно как измеряемый атрибут государственного управления.

Качественные исследования дополняют данный анализ. Нокс [20, р. 482], Жаненова и Нокс [21, р. 429], а также Нокс и Оразгалиев [22, р. 241] описывают модели централизованного принятия решений и управляемых элитами реформ. Давтян, Хачикян и Валеева [23, р. 32] подчеркивают стратегию геополитического балансирования Казахстана между крупными державами как источник безопасности режима. Циглер [24, р. 809] анализирует управляемое развитие гражданского общества в условиях авторитарной системы.

В совокупности исследования на основе WGI дают представление о качестве государственного управления и институциональной эффективности. Однако они не учитывают неформальные элитные пакты, механизмы распределения ренты и внешнеполитическое маневрирование. Индикатор «Политическая стабильность и отсутствие насилия» отражает восприятие риска нестабильности, но не различает институциональную легитимность и стабильность, поддерживаемую через контролируруемую политическую конкуренцию и перераспределение ресурсов.

Академическая критика WGI богаче, чем критика двух предыдущих индексов, что объясняется масштабом их применения в политике и науке. Томас [25, р. 41] в развернутом методологическом разборе указывает на фундаментальную проблему: WGI агрегируют данные из разнородных источников с разными методологиями, что делает итоговый показатель агрегатом восприятий, а не измерением реального качества управления. Хелмке и Левитски [26, р. 734] подчеркивают, что WGI принципиально слепы к неформальным институтам – тем самым неписаными правилами и практикам, которые в постсоветских государствах нередко важнее формальных. Для Казахстана эта значимость неформальных внутриэлитных договоренностей является концептуально значимым, а не техническим.

Наиболее системную критику WGI предложили Гринберг и Яновски [27, р. 450], показавшие, что индексы воспроизводят эффект «зеркала хорошего управления»: государства, реализующие либерально-демократическую модель, неизбежно получают более высокие баллы вне зависимости от их фактической эффективности, тогда как государства с иными моделями управления систематически занижаются. Этот эффект Найм [28] концептуализировал, обозначив тенденцию международных институтов оценивать государства по принятым ими реформам, а не по их результатам – что порождает стимулы к формальному принятию реформ без их реального внедрения. Кауфманн и Краай [15, р. 11] признают ограниченность использования WGI для ранжирования стран с близкими показателями – предостережение, которое игнорируется масс-медиа и в политике.

Казахстан в динамике трёх индексов

В научной литературе о политической стабильности Казахстана прослеживаются два аналитических направления. Первое использует международные индексы - FSI, SSI и WGI - для сравнительной оценки хрупкости, устойчивости и качества государственного управления. Второе объясняет долговечность режима через политико-экономические и институциональные механизмы, включая перераспределение углеводородной ренты [18, 29], централизованный административный контроль [20, р. 490; 21, р. 422], управление коррупцией и реформами [10, р. 350; 11, р. 99], а также геополитическое балансирование [23, р. 38]. Несмотря на их взаимодополняемость, эти направления остаются аналитически разобщенными. Исследования, основанные на индексах, редко анализируют насколько методологические основания Индекса хрупкости государств, Индекса устойчивости общества и Всемирных индикаторов государственного управления соответствуют реальным механизмам поддержания стабильности в Казахстане. В свою очередь, политико-экономические исследования редко оценивают, как эти механизмы отражаются - или не отражаются - в глобальных индексах.

Циглер [24, р. 810-813] рассматривает Казахстан в контексте более широких международных рейтингов, включая Индекс хрупкости государств, чтобы показать, что страна не демонстрирует признаков острого государственного коллапса, несмотря на авторитарную политическую структуру. В этом контексте индекс выступает в качестве внешнего подтверждения относительной макроуровневой стабильности Казахстана в Центральной Азии.

Аналогичным образом Бхуян [30, р. 414] ссылается на позицию Казахстана в Индексе хрупкости государств в рамках более общего обзора качества управления, подчеркивая, что страна не относится к категории крайне хрупких или несостоявшихся государств. Однако данные исследования не проводят декомпозицию составных индикаторов FSI-таких как фрагментированность элит, недовольство в обществе, силовой аппарат или внешнее вмешательство - для оценки их соответствия внутренней политической динамике Казахстана.

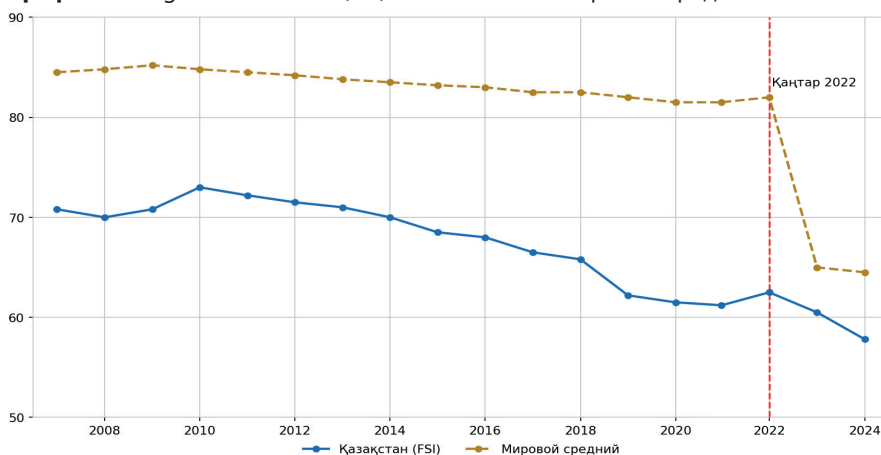
Сравнительный анализ динамики Казахстана по трем индексам обнаруживает устойчивый паттерн, характерный для ресурсозависимых авторитарных режимов: показатели улучшаются в периоды ресурсного изобилия и ухудшаются в периоды внешних потрясений - независимо от реального состояния политических институтов.

По данным FSI, Казахстан в 2024 году набрал 57,8 балла - исторический минимум (то есть наилучший результат) с момента начала наблюдений. Для сравнения: максимум составлял 72,7 балла в 2010 году, тогда как среднемировой показатель в 2024 году равен 64,56 [2]. Страна классифицируется как государство, находящееся в зоне «предупреждения» (Warning), но не критической нестабильности. События Қанды Қаңтар в январе 2022 года, по всей видимости, нашли отражение в показателях с временным лагом: FSI фиксирует состояние, а не процесс накопления рисков. Шкала индекса построена по оси у: 0-120. Чем выше балл - тем более хрупкое государство. Мировой средний балл в 2024 году 64,56. Казахстан в 2024 году 57,8 балла (исторический минимум).

WGI демонстрируют схожую динамику с показательной аномалией. Индекс политической стабильности достиг максимума в 2009 году на фоне нефтяного бума, затем устойчиво снижался. В 2022 году он опустился до исторического минимума - -0,47 балла - зафиксировав события Қанды Қаңтар постфактум. К 2023 году показатель восстановился до -0,27 балла, что по-прежнему ниже среднего значения за весь период наблюдений (0,04 балла) [31]. Показательно, что долгосрочная траектория WGI по измерению «голос и подотчетность» остается стабильно низкой на протяжении всего периода независимости, не реагируя на реформаторскую риторику «Нового Казахстана». Шкала этого индекса установлена оси у: от -2,5 до +2,5. Максимум для Казахстана: 0,78 (2009 г., нефтяной бум). Минимум: -0,47 (2022, Қанды Қаңтар). Среднее за 1996-2023 равно 0,04, согласно World Bank, World Governance Indicators 1996-2023 (The GlobalEconomy.com)

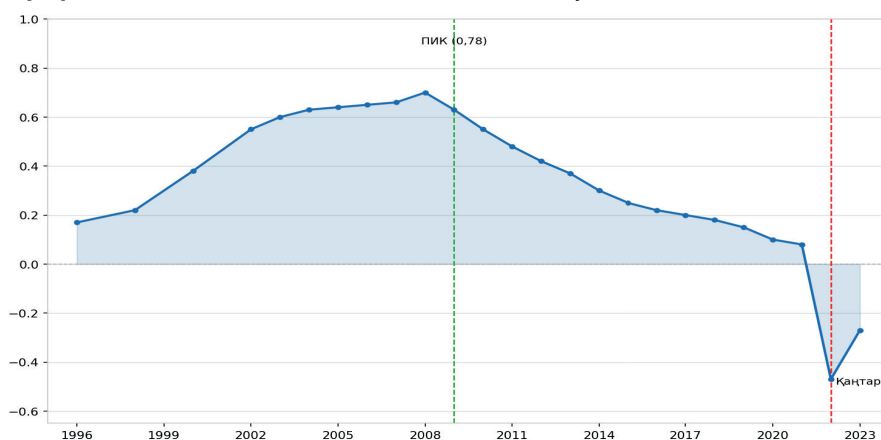
SSI предоставляет рассматривает стабильность и благосостояние с другой перспективы и в этом его методологическая ценность. Казахстан демонстрирует устойчиво низкие показатели по измерению Environmental Wellbeing,

График 1. Fragile States Index (FSI) – Казахстан vs. мировой средний показатель

Источник: Fund for peace, Fragile States Index 2007–2024.

График 2. WGI – Политическая стабильность и отсутствие насилия (Казахстан)

Источник: World Bank, World Governance Indicators 1996–2023 (The GlobalEconomy.com)

что отражает высокую углеродоемкость экономики и зависимость от добывающих отраслей. По измерению Human Wellbeing, страна занимает срединные позиции, по Economic Wellbeing – относительно высокие. Это расхождение между измерениями само по себе является аналитически значимым: индекс фиксирует структурный дисбаланс ресурсозависимой экономики, который остается за пределами FSI и WGI. Однако SSI не включает политические индикаторы напрямую, что существенно ограничивает его ценность именно для оценки политической стабильности. Шкала индекса построена по оси у: 1–10, где 1 минимальное и 10 максимальное значения. HW = Human Wellbeing (благополучие людей), EW = Environmental Wellbeing (экологическое благополучие), EcW = Economic Wellbeing (эконо-

мическое благополучие). Данные выходят раз в 2 года.

Индекс устойчивости общества (Sustainable Society Index, SSI) преимущественно используется в анализах долгосрочного развития и показателей устойчивости Казахстана. Кунова [32, р. 131] рассматривает позиции Казахстана по SSI в измерениях человеческого, экологического и экономического благополучия, помещая страну в более широкий контекст устойчивого развития на основе модели «тройного итога» (triple bottom line). В данном подходе политическая стабильность имплицитно связывается со структурной устойчивостью и общественной адаптивностью.

Казахстанский кейс наглядно демонстрирует четыре категории факторов, систематически недооцениваемых всеми тремя индексами.

График 3. Sustainable Society Index (SSI) – Три измерения, Казахстан

Источник: Sustainable Society Foundation, Sustainable Society Index 2006–2020

Первый – перераспределение ренты. Высокие нефтяные доходы позволяют режиму поддерживать социальную стабильность через перераспределение, не развивая при этом политические институты. Росс и Майерс [33, с. 289] убедительно показывает, что нефтяное богатство снижает необходимость как в принуждении, так и в политической либерализации. Ни FSI, ни SSI, ни WGI не включают динамику ресурсной ренты и её распределения как системный фактор политической стабильности. Это создает структурную слепую зону: в периоды высоких нефтяных цен: все три индекса фиксируют улучшение показателей, не понимая его природы.

Второй – внутриэлитные пакты и неформальные институты. Как показывает Шатц [34], казахстанский режим опирается на систему неформальных договоренностей между ключевыми элитными группами, что не фиксируется формальными индикаторами. События Қанды Қаңтар частично объясняются именно разрушением этих договоренностей: часть силовых структур, связанных с окружением Назарбаева, фактически саботировала подавление протестов. Но все три индекса не измеряют отношений внутри элиты.

Третий – внешнеполитические факторы. Многовекторная политика Казахстана между Россией, Китаем и Западом является не только дипломатической стратегией, но и механизмом поддержания внутренней стабильности [35, р. 14]. Война в Украине резко осложнила это балансирование: Казахстан оказался под давлением со стороны Москвы и Запада одно-

временно. FSI частично учитывает «вмешательство внешних субъектов» как один из 12 индикаторов, однако этот индикатор не разграничивает дестабилизирующее и стабилизирующее внешнее влияние. WGI и SSI не включают внешнеполитическое измерение вовсе.

Четвертый – демографическое давление и внутренняя миграция. FSI включает этот индикатор формально, не учитывает специфики казахстанской урбанизации – массового перемещения сельского населения в крупные города, прежде всего в Алматы и Астану. Именно эта волна внутренних мигрантов, не интегрированных в городскую экономику, составила значительную часть участников январских протестов 2022 года. Демографическое давление в казахстанском контексте – это не беженцы и вынужденные переселенцы, а структурное несоответствие между темпами урбанизации и способностью городской экономики абсорбировать приток рабочей силы [36].

Факторы политической стабильности: необходимые и достаточные условия

Аналитическая ценность FSI возрастает при систематическом разграничении его 12 индикаторов на необходимые и достаточные условия политической стабильности. Необходимые условия – те, отсутствие которых ведет к нестабильности, но наличие которых само по себе её не вызывает. Достаточные условия – те, совокупность которых гарантирует политическую стабильность, в том числе устойчивость режима, даже при неблагоприят-

ятных значениях некоторых показателей. Данное разграничение отсутствует в официальной методологии FSI, где все 12 индикаторов агрегируются с равными весами, что является одним из методологических ограничений инструмента.

Наличие базовых общественных услуг (Public Services) обязательно для предотвращения дестабилизации, однако не гарантирует устойчивости режима: Казахстан обеспечивает приемлемый уровень публичных сервисов, что не помешало массовым протестам в янва-

ре 2022 года. Единственными индикаторами, способными всегда выполнять роль достаточных, являются, по мировому опыту, легитимность государства и отсутствие внешнего вмешательства: режим, обладающий подлинной легитимностью и опирающийся на поддерживающее внешнее вмешательство, сохраняет устойчивость даже при ухудшении остальных показателей.

В Таблице 2 представлена авторская классификация 12 индикаторов FSI с их английскими оригинальными наименованиями.

Таблица 2. Индикаторы FSI: необходимые и достаточные условия политической стабильности (применительно к Казахстану)

№	Индикатор (рус.)	Индикатор (англ.)	Необходимое условие	Достаточное условие	Значение для Казахстана
1	Аппарат безопасности	Security Apparatus	✓	—	Централизован, высокие расходы
2	Фракционированность элит	Factionalized Elites	✓	—	Қаңтар обнажил раскол
3	Групповые претензии / недовольство	Group Grievance	✓	—	Рост неравенства в доходах
4	Экономический спад	Economic Decline	✓	—	Уязвимость к нефтяным ценам
5	Неравномерность развития	Uneven Economic Development	✓	—	Разница между регионами-донорами и реципиентами, город-село-село
6	Утечка мозгов / человеческий капитал	Human Flight and Brain Drain	✓	—	Ускорилась после 2022 г.
7	Легитимность государства	State Legitimacy	✓	✓	Имеет место, несмотря на высказывания отдельных политиков некоторых стран
8	Общественные услуги	Public Services	✓	—	Решается через цифровизацию
9	Права человека и верховенство закона	Human Rights and Rule of Law	✓	—	Фиксируются правозащитниками нарушениями
10	Демографическое давление	Demographic Pressures	✓	—	Урбанизация как риск
11	Беженцы и перемещённые лица	Refugees and IDPs	—	—	Низкая актуальность для страны
12	Внешнее вмешательство	External Intervention	✓	✓	Влияние Россия, Китая, Запада

Как следует из Таблицы 2, большинство индикаторов FSI являются необходимыми, но недостаточными условиями политической стабильности. Следует подчеркнуть, что равновесное агрегирование всех 12 индикаторов с суммарным максимумом в 120 баллов – где высокий балл означает максимальную хрупкость – маскирует именно это различие между необходимыми и достаточными условиями. Государство с несколькими критическими показателями может получить итоговый балл, не отражающий реального уровня риска.

Обсуждение

Результаты анализа позволяют сформулировать несколько наблюдений о природе и ограничениях индексного подхода к измерению политической стабильности и обозначить ключевые точки теоретического разногласия.

Первая дискуссионная линия – институциональная vs. инструментальная природа индексов. Все три индекса создавались организациями с принципиально различными институциональными логиками: американским аналитическим

центром (Fund for Peace), голландской некоммерческой организацией (SSF) и международной финансовой структурой (Всемирный банк). Каждая из этих логик оставляет концептуальный след в методологии: FSI фокусируется на рисках и предупреждении конфликтов, SSI – на устойчивом развитии, WGI – на качестве управления как условия экономического роста. Томас [25] интерпретирует это как свидетельство того, что индексы измеряют не объективную реальность, а отражают приоритеты создавших их организаций. Кауфманн и Край [15, р. 17], напротив, настаивают на инструментальной нейтральности WGI, указывая на разнородность агрегируемых источников как гарантию от систематического смещения. Казахстан попадает в каждый из этих фреймов по-разному, и именно расхождения между индексами несут максимальную аналитическую информацию.

Вторая дискуссионная линия – западноцентричность как методологический изъян или неизбежное условие сопоставимости. Все три индекса в разной степени подвержены проблеме западноцентричности – имплицитному допущению, что либерально-демократические институты являются единственной основой устойчивой стабильности. Чандлер [5, р. 170] квалифицирует это как политически нагруженную позицию, легитимирующую внешнее вмешательство. Хелмке и Левитски [26, р. 728] указывают на методологическое следствие: индексы, игнорирующие неформальные институты, систематически неверно диагностируют государство, где реальное управление осуществляется через неписанные правила. Оппонирующая позиция – Ротберг [16, р. 40] – состоит в том, что несмотря на нормативную нагруженность, индексы фиксируют реальные функциональные дефициты государства, даже если режим поддерживает видимость стабильности. Для Казахстана эта дискуссия имеет прикладное значение: режим, поддерживающий стабильность через ресурсную ренту и неформальные внутриэлитные пакты, неизбежно выглядит нестабильным в терминах индексов, даже когда демонстрирует значительную устойчивость. Парадоксально, но это смещение делает индексы аналитически полезными: низкие показатели WGI и FSI указывают на реальные структурные уязвимости, заслуживающие внимания вне зависимости от того, конвертируются ли они в немедленную дестабилизацию.

Третья дискуссионная линия – «управление

индексными рейтингами» как новая политическая практика. Применительно к периоду «Нового Казахстана» все три индекса фиксируют частичное улучшение показателей при одновременном сохранении авторитарных практик управления. Этот феномен описан в литературе как «индексный театр» – целенаправленное проведение точечных реформ именно в тех измерениях, которые отслеживаются рейтингами, без изменения базовых практик [37]. Найм [28, р. 136] концептуализировал более широкую тенденцию: международные институты оценивают государство по принятым реформам, а не по их результатам, создавая стимулы к формальному принятию без реального внедрения. Это ставит под вопрос не только диагностическую ценность отдельных индексов, но и их пригодность как инструментов международной политики. Разрыв между индексами обусловлен в том числе различием интересов создавших их акторов – Всемирного банка как финансового института и независимых некоммерческих организаций – что отражает различия в том, что эти акторы считают значимым для измерения.

В рамках данной дискуссии анализ, проведенный в нашем исследовании способствует заполнению имеющегося пробела в академической литературе. Это касается отсутствия систематической интеграции глобальных индексов с теориями авторитарной стабильности, которые объясняют феномен стабильности не как отсутствие конфликта, а как некое равновесие рентных, элитных и геополитических факторов. Например, классификация индикаторов FSI, приведенная в Таблице 2, позволяет преодолеть барьеры, типичные для перцептивных индексов, таких как, например, равновесное агрегирование. Это повышает аналитическую ценность для изучения постсоветского пространства, а также актуально для Казахстана, где события 2022 года указали на несоответствие между существующими рисками и индексными трендами. В этом контексте методологический синтез (комбинация WGI, данные о неформальных пактах) потенциально могут оценить влияние и модификацию внешнеполитических факторов на прогнозы индексов.

Стабильность, идентичность, легитимность

Политическая стабильность в Казахстане не может быть адекватно осмыслена в отрыве от незавершенного процесса формирования на-

циональной идентичности. Шауенов [38, с. 8] зафиксировал принципиальную особенность казахстанской легитимности: она внутренне фрагментирована, опирается преимущественно на персональную поддержку лидера, а не на идеологическое или нормативное основание, и слабо связана с эффективностью правительства как института. Устойчивость системы во многом зависит от фигуры лидера, а не от институтов, что создает структурную уязвимость при любой смене власти.

Отвтом стала ставка на гражданское националстроительство. Высокая сегментированность населения – этническая, региональная, конфессиональная – делала привлекательной модернистскую концепцию государственности на принципах согражданства и общая казахстанская идентичность призвана была стать интегрирующим основанием легитимности, независимым от персональной поддержки конкретного лидера [38, с. 18]. Эта логика нашла отражение в программных документах: в частности в Послании народу Казахстана 2012 года Н. Назарбаев поставил задачу создания «общества благоденствия на основе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда» к 2050 году [39, с. 48].

Вместе с тем события Қанды Қаңтар 2022 года показали, что формальная партийная конфигурация является слабым индикатором реальной устойчивости системы: кризис разворачивался не в партийном, а в элитном и силовом измерениях, которые международные индексы зафиксировать не могли.

Заклучение

Сравнительный анализ FSI, SSI и WGI применительно к Казахстану позволяет сформулировать три ключевых вывода.

Во-первых, каждый из трёх индексов является частичным инструментом с принципиально различными концептуальными основаниями: FSI фиксирует симптомы государственной хрупкости через призму предупреждения конфликтов, SSI измеряет устойчивость в экологическом и социальном измерениях, WGI оценивает качество формальных институтов управления. Ни один из них не обеспечивает полноценного охвата специфики ресурсозависимых авторитарных режимов. Для более полной картины требуется привлечение социологических методов.

Во-вторых, Казахстан демонстрирует паттерн расхождения между индексными показателями и реальной политической динамикой. События Қанды Қаңтар подтвердили фундаментальное ограничение перцептивных индексов: они фиксируют текущее состояние институтов, но не накапливаемые структурные риски – социальное неравенство, фрагментацию элит и их конфликтogenicность, демографическое давление на мегаполисы. Ни FSI, ни SSI, ни WGI не зафиксировали кризис заблаговременно.

В-третьих, четыре категории факторов стабильности – перераспределение ренты, внутриэлитные отношения, внешнеполитическое планирование и незавершенность националстроительства – недооцениваются рассматриваемыми инструментами. Разработка дополнительных инструментов представляется важным направлением дальнейших исследований. Такие инструменты должны включать динамику ресурсной ренты и её распределения, индикаторы состояния внутриэлитных коалиций, параметры внешнеполитического давления и показатели идентификационной сплоченности – без этого оценка политической стабильности постсоветских государств структурно неполная.

Финансирование

Исследование проведено в рамках финансирования проекта BR27195711 «Социально-политические процессы в Казахстане (1980-2020): опыт демократизации и становление Справедливого государства» (программно-целевое финансирование КН МНВО РК)

Список литературы

- 1 Alesina A., Perotti R. Income distribution, political instability, and investment // *European Economic Review*. – 1996. – Vol. 40. – № 6. – P. 1203–1228.
- 2 Fund for Peace. Fragile States Index 2024 // [Electronic source] URL: <https://fragilestatesindex.org> (the date of referring: 01.02.2025).
- 3 Tilly C. War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back In* / Ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 169–191.
- 4 Bates R.H. When Things Fell Apart: State Failure in Late-Century Africa. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 194 p.
- 5 Chandler D. Empire in Denial: The Politics of State-Building. – London: Pluto Press, 2006. – 207 p.
- 6 Ozkaya G. Evaluating State Fragility: A Cluster Analysis Approach // *Theory and research in Social,*

Human and Administrative Sciences. – 2022. – Vol. 1. – № 1. – P. 1-22.

7 Van de Kerk G., Manuel A.R. A comprehensive index for a sustainable society: The SSI – the Sustainable Society Index // *Ecological Economics*. – 2008. – Vol. 66. – № 2–3. – P. 228–242.

8 Witunski N., Dias G. The Sustainable Society Index: Its reliability and validity // *Ecological Indicators*. – 2020. – Vol. 114 (1): 106190 // [Electronic source] URL: https://www.researchgate.net/publication/340490953_The_Sustainable_Society_Index_Its_reliability_and_validity (the date of referring 01.12.2025).

9 Andabayeva G., Kakizhanova T., Yezhepova A., Arzayeva M., Arpabayev E., & Sabyrova M. Impact of Good governance Indicators on Green Growth: Evidence from Kazakhstan // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2025. – Vol. 15. – №5. – P. 217–226.

10 Baris O. F., Knox C., Pelizzo R. “Good Enough” Governance in the Post-Soviet Eurasia // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. – 2022. – Vol.24. – № 4. – P. 329–359.

11 Khamitov Z., Knox C., & Junusbekova G. Corruption, public procurement and political instability in Kazakhstan. *Central Asian Survey*. – 2023. – Vol.42. – №1. – P. 89–108.

12 Gudeman L., Munnich R. Quality and Sensitivity of Composite Indicators for Sustainable Development // *Austrian Journal of Statistics*. – 2023. – Vol. 52. – №5. – P. 82–100.

13 Bossel H. Indicators for Sustainable Development: Theory, Method, Applications. – Winnipeg: IISD, 1999. – 138 p.

14 Sachs J. et al. Sustainable Development Report 2022. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 544 p.

15 Kaufmann D., Kraay A. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and 2024 Update // *World Bank Policy Research Working Paper*. – 2024. – 28 p.

16 Rotberg R. The Failure and Collapse of Nation-States: Breakdown, Prevention, and Repair // *When States Fail: Causes and Consequences* / Ed. by R.I. Rotberg. – Princeton: Princeton University Press. – 2004. – P. 1–49.

17 Absadykov A. Does good governance matter? Kazakhstan’s economic growth and worldwide governance indicators // *Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan*. – 2020. – Vol.10. – №1. – P. 1–13.

18 Heinric A. The formal political system in Azerbaijan and Kazakhstan: a background study. (Arbeitspapiere und Materialien / Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, 107). Bremen: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. – 2020 // [Electronic source] URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/44135/ssoar-2010-heinrich-The_formal_political_system_in.pdf?sequence=1 (the date of referring: 01.02.2025).

19 Yaqub B. A comprehensive analysis of the interrelationship between inclusive economic growth and institutional quality in the Post-Soviet states // *Humanities & Social Sciences Reviews*. – 2025. – Vol.13. – №2. – P. 112–121.

20 Knox C. Kazakhstan: Modernizing government in the context of political inertia // *International Review of Administrative Sciences*. – 2008. – Vol.74. – №3. – P. 477–496.

21 Janenova S., & Knox C. Civil service reform in Kazakhstan: trajectory to the 30 most developed

countries? // *International Review of Administrative Sciences*. – 2019. – Vol.85. – № (3). – P. 419–439.

22 Knox C., Orazgaliyev S. Sustainable development goals and good governance nexus: Implementation challenges in Central Asia // *Public Administration and Development*. – 2024. – Vol. 44. – №4. – P. 237–251.

23 Davtyan V., Khachikyan S. & Valeeva Y. An assessment of the sustainability and security of energy systems: an analysis of the energy trilemma index on the example of Russia, Kazakhstan and Armenia // *Polityka Energetyczna-Energy Policy Journal*. – 2023. – Vol.26. – №2. – P. 23–46.

24 Ziegler C. Civil society, political stability, and state power in Central Asia: Cooperation and contestation // *Democratization*. – 2010. – Vol.17. – №5. – P. 795–825.

25 Thomas M. What Do the Worldwide Governance Indicators Measure? // *European Journal of Development Research*. – 2010. – Vol. 22. – № 1. – P. 31–54.

26 Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2. – № 4. – P. 725–740.

27 Greenberg M., Yanowski L. Rethinking Governance Indicators // *Journal of Policy Analysis and Management*. – 2017. – Vol. 36. – № 2. – P. 440–465.

28 Naim M. Minilateralism // *Foreign Policy*. – 2009. – № 173 // [Electronic source] URL: <https://foreignpolicy.com/2009/06/21/minilateralism/> (the date of referring: 24.01.2026).

29 Ahmadov I., Mammadov J. & Aslanli K. Assessment of institutional quality in resource-rich Caspian Basin countries. – 2013 // [Electronic source] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2274813 (the date of referring: 24.01.2026).

30 Bhuiyan, S. H. Transition towards a knowledge-based society in post-communist Kazakhstan: does good governance matter? // *Journal of Asian and African Studies*. – 2011. – Vol.46. – № (4). – P. 404–421.

31 The GlobalEconomy.com. Kazakhstan Political Stability, World Bank Data // [Electronic source] URL: https://www.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/wb_political_stability/ (the date of referring: 01.02.2025).

32 Kuanova L., Bekbossinova A. & Abdykadyr T. Assessment of the Sustainable Development of Regions: the Case of Kazakhstan // *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*. – 2023. – Vol.67. – №3. – P. 122–135.

33 Ross M.L., Myers J.J. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. – Princeton: Princeton University Press. – 2012 // [Electronic source] URL: https://cdn.carnegiecouncil.org/media/cceia/import/studio/The_Oil_Curse.pdf?v=1670907779 (the date of referring: 01.12.2025).

34 Schatz E. The Soft Authoritarian Tool Kit t: Agenda-Setting Power in Kazakhstan and Kyrgyzstan // *Comparative Politics*. – 2009. – Vol. 40. – № 2. – P.203–222.

35 O’Neill D.C., Primiano C.B. Kazakhstan’s Quest for Status: A Secondary State’s Strategy to Shape Its International Image // *Journal of Eurasian Studies*. – 2024. – Vol. 15. – № 1. – P. 1–18.

36 Knox C., Orazgaliyev S. Public Administration Country Study: Kazakhstan – Post-Soviet Legacy, Modernisation, and Hybridity // *Public Administration Review*. – 2025. Volume 85, Issue 6. // [Electronic source] URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/puar.70030> [the date of referring: 01.12.2025].

37 Tlegenova A., Beysembaev S. Have President Tokayev's Reforms Delivered a 'New Kazakhstan'? – Carnegie Endowment for International Peace. – 2024 // [Electronic source] URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2024/09/tokayev-kazakhstan-reforms> (the date of referring: 01.02.2025).

38 Шауенов Е. Внутривполитические аспекты стабилизации политической системы Казахстана: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Алматы, 2001. – 28 с.

39 Бижанов А., Исмагамбетов Т. Формирование казахстанской идентичности: стабильность, идентичность, легитимность // Аль-Фараби. – 2019. – № 1 (65). – С. 44–54.

Transliteration

1 Alesina A., Perotti R. Income distribution, political instability, and investment // *European Economic Review*. – 1996. – Vol. 40. – № 6. – P. 1203–1228.

2 Fund for Peace. Fragile States Index 2024 // [Elektronnyj resurs] URL: <https://fragilestatesindex.org> (Data obrashhenija: 01.02.2025).

3 Tilly C. War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back In* / Ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 169–191.

4 Bates R.H. When Things Fall Apart: State Failure in Late-Century Africa. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 194 p.

5 Chandler D. Empire in Denial: The Politics of State-Building. – London: Pluto Press, 2006. – 207 p.

6 Ozkaya G. Evaluating State Fragility: A Cluster Analysis Approach // *Theory and Research in Social, Human and Administrative Sciences*. – 2022. – Vol. 1. – № 1. – P. 1–22.

7 Van de Kerk G., Manuel A.R. A comprehensive index for a sustainable society: The SSI – the Sustainable Society Index // *Ecological Economics*. – 2008. – Vol. 66. – № 2–3. – P. 228–242.

8 Witunski N., Dias G. The Sustainable Society Index: Its reliability and validity // *Ecological Indicators*. – 2020. – Vol. 114 (1): 106190 // [Elektronnyj resurs] URL: https://www.researchgate.net/publication/340490953_The_Sustainable_Society_Index_Its_reliability_and_validity (Data obrashhenija: 01.12.2025).

9 Andabayeva G., Kakizhanova T., Yerezhepova A., Arzayeva M., Arpabayev E., Sabyrova M. Impact of Good Governance Indicators on Green Growth: Evidence from Kazakhstan // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2025. – Vol. 15. – № 5. – P. 217–226.

10 Baris O.F., Knox C., Pelizzo R. "Good Enough" Governance in the Post-Soviet Eurasia // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. – 2022. – Vol. 24. – № 4. – P. 329–359.

11 Khamitov Z., Knox C., Junusbekova G. Corruption, public procurement and political instability in Kazakhstan // *Central Asian Survey*. – 2023. – Vol. 42. – № 1. – P. 89–108.

12 Gudeman L., Munnich R. Quality and Sensitivity of Composite Indicators for Sustainable Development // *Austrian Journal of Statistics*. – 2023. – Vol. 52. – № 5. – P. 82–100.

13 Bossel H. Indicators for Sustainable Development: Theory, Method, Applications. – Winnipeg: IISD, 1999. – 138 p.

14 Sachs J. et al. Sustainable Development Report 2022. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 544 p.

15 Kaufmann D., Kraay A. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and 2024 Update // *World Bank Policy Research Working Paper*. – 2024. – 28 p.

16 Rotberg R. The Failure and Collapse of Nation-States: Breakdown, Prevention, and Repair // *When States Fail: Causes and Consequences* / Ed. by R.I. Rotberg. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – P. 1–49.

17 Absadykov A. Does good governance matter? Kazakhstan's economic growth and worldwide governance indicators // *Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan*. – 2020. – Vol. 10. – № 1. – P. 1–13.

18 Heinric A. The formal political system in Azerbaijan and Kazakhstan: a background study. (Arbeitspapiere und Materialien / Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, 107). – Bremen: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, 2020 // [Elektronnyj resurs] URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/44135/ssoar-2010-heinrich-The_formal_political_system_in.pdf?sequence=1 (Data obrashhenija: 01.02.2025).

19 Yaqub B. A comprehensive analysis of the interrelationship between inclusive economic growth and institutional quality in the Post-Soviet states // *Humanities & Social Sciences Reviews*. – 2025. – Vol. 13. – № 2. – P. 112–121.

20 Knox C. Kazakhstan: Modernizing government in the context of political inertia // *International Review of Administrative Sciences*. – 2008. – Vol. 74. – № 3. – P. 477–496.

21 Janenova S., Knox C. Civil service reform in Kazakhstan: trajectory to the 30 most developed countries? // *International Review of Administrative Sciences*. – 2019. – Vol. 85. – № 3. – P. 419–439.

22 Knox C., Orazgaliyev S. Sustainable development goals and good governance nexus: Implementation challenges in Central Asia // *Public Administration and Development*. – 2024. – Vol. 44. – № 4. – P. 237–251.

23 Davtyan V., Khachikyan S., Valeeva Y. An assessment of the sustainability and security of energy systems: an analysis of the energy trilemma index on the example of Russia, Kazakhstan and Armenia // *Polityka Energetyczna-Energy Policy Journal*. – 2023. – Vol. 26. – № 2. – P. 23–46.

24 Ziegler C. Civil society, political stability, and state power in Central Asia: Cooperation and contestation // *Democratization*. – 2010. – Vol. 17. – № 5. – P. 795–825.

25 Thomas M. What Do the Worldwide Governance Indicators Measure? // *European Journal of Development Research*. – 2010. – Vol. 22. – № 1. – P. 31–54.

26 Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2. – № 4. – P. 725–740.

27 Greenberg M., Yanowski L. Rethinking Governance Indicators // *Journal of Policy Analysis and Management*. – 2017. – Vol. 36. – № 2. – P. 440–465.

28 Naím M. Minilateralism // *Foreign Policy*. – 2009. – № 173 // [Elektronnyj resurs] URL: <https://foreignpolicy.com/2009/06/21/minilateralism/> (Data obrashhenija: 24.01.2026).

29 Ahmadov I., Mammadov J., Aslanli K. Assessment of institutional quality in resource-rich Caspian Basin countries. – 2013 // [Elektronnyj resurs] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2274813 (Data obrashhenija: 24.01.2026).

30 Bhuiyan S.H. Transition towards a knowledge-based society in post-communist Kazakhstan: does good governance matter? // *Journal of Asian and African Studies*. – 2011. – Vol. 46. – № 4. – P. 404–421.

31 The GlobalEconomy.com. Kazakhstan Political Stability, World Bank Data // [Jelektronnyj resurs] URL: https://www.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/wb_political_stability/ (Data obrashhenija: 01.02.2025).

32 Kuanova L., Bekbossinova A., Abdykadyr T. Assessment of the Sustainable Development of Regions: the Case of Kazakhstan // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. – 2023. – Vol. 67. – № 3. – P. 122–135.

33 Ross M.L., Myers J.J. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. – Princeton: Princeton University Press, 2012 // [Jelektronnyj resurs] URL: https://cdn.carnegiecouncil.org/media/cceia/import/studio/The_Oil_Curse.pdf?v=1670907779 (Data obrashhenija: 01.12.2025).

34 Schatz E. The Soft Authoritarian Tool Kit: Agenda-Setting Power in Kazakhstan and Kyrgyzstan // Comparative Politics. – 2009. – Vol. 40. – № 2. – P. 203–222.

35 O'Neill D.C., Primiano C.B. Kazakhstan's Quest for Status: A Secondary State's Strategy to Shape Its International Image // Journal of Eurasian Studies. – 2024. – Vol. 15. – № 1. – P. 1–18.

36 Knox C., Orazgaliyev S. Public Administration Country Study: Kazakhstan – Post-Soviet Legacy,

Modernisation, and Hybridity // Public Administration Review. – 2025. – Volume 85, Issue 6 // [Jelektronnyj resurs] URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/puar.70030> (Data obrashhenija: 01.12.2025).

37 Tlegenova A., Beysembaev S. Have President Tokayev's Reforms Delivered a 'New Kazakhstan'? – Carnegie Endowment for International Peace. – 2024 // [Jelektronnyj resurs] URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2024/09/tokayev-kazakhstan-reforms> (Data obrashhenija: 01.02.2025).

38 Shaunov E. Vnutripolicheskie aspekty stabilizacii politicheskoy sistemy Kazahstana: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – Almaty, 2001. – 28 s. (in Russ)

39 Bizhanov A., Ismagambetov T. Formirovanie kazahstanskoy identichnosti: stabil'nost', identichnost', legitimnost' // Al'-Farabi. – 2019. – № 1 (65). – S. 44–54. (in Russ)

Вклад авторов: Исмагамбетов Т. – идея, методология, факторы и условия стабильности, анализ легитимности и стабильности, Ибадильдин Н., Адибаева А. – аннотация, введение и концептуальные основы анализа трех индексов, Карабаева А.К. – сбор материалов и участие в анализе индексов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ныгмет Амангельдинович Ибадильдин* ассистант профессор, PhD, Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан, email: nygmet@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-7794-3128
- Талғат Танатарович Исмағамбетов* ведущий научный сотрудник, кандидат политических наук, Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан, email: is_v2001@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-9177-0208
- Айгуль Маратовна Адибаева* ассистант профессор, кандидат политических наук, Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан, email: aigula@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-6197-6136
- Асылзат Кансейтқызы Карабаева* ассистант профессор, PhD, Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан, email: a.karabayeva@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-6198-6836
- Ныгмет Амангелдыұлы Ибадильдин* ассистант профессор, PhD, КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан, email: nygmet@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-7794-3128
- Талғат Танатарұлы Исмағамбетов* жетекші ғылыми қызметкер, саясаттану ғылымдарының кандидаты, ҚР ҰЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан, email: is_v2001@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-9177-0208
- Айгүл Маратқызы Адибаева* ассистант профессор, саясаттану ғылымдарының кандидаты, КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан, email: aigula@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-6197-6136
- Асылзат Қансейітқызы Қарабаева* ассистант профессор, PhD, КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан, email: a.karabayeva@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-6198-6836
- Nygmet Ibadildin* Assistant Professor, KIMEP University, Almaty, Kazakhstan, email: nygmet@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-7794-3128
- Talgat Ismagambetov* Leading Researcher, Candidate of Political Sciences, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan, email: is_v2001@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-9177-0208
- Aigul Adibayeva* Assistant Professor, Candidate of Political Sciences, KIMEP University, Almaty, Kazakhstan, email: aigula@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-6197-6136
- Assylzat Karabayeva* Assistant Professor, PhD, KIMEP University, Almaty, Kazakhstan, email: a.karabayeva@kimep.kz, ORCID ID: 0000-0001-6198-6836